

Белла Кердман

Смотрите, кто ушел

Начну с сообщения, полученного из Всемирного клуба одесситов в апреле этого года: «Несколько дней назад наш город с восторгом приветствовал новую, теперь уже последнюю, книгу Александра Викторовича Дорошенко – «Отпусти мой народ», а еще через неделю мы планировали поздравить автора с его 78-летием. Александр Дорошенко – известный одесский писатель, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой технической термодинамики ОГАХ, академик МАХ, лауреат премии «Твои имена, Одесса».

С этим человеком я познакомилась в 2003 году, когда гостила в нашем с ним родном городе. Правда, «познакомилась» – сказано не совсем точно. Тогда ко мне пришел племянник покойной подруги и привел с собой товарища. Отрекомендовал со словами: «Никто еще не написал об Одессе так, как вот он!». И мне была подарена этим товарищем книжка – беленький томик с атлантами с улицы Гоголя на обложке. Называется «Мой город», поэма, хотя и проза. Издано культурно издательством «Оптимум» в Малой серии «Вся Одесса».

Имя автора мне ничего не говорило. Их визит был недолгим. С племянником подруги, Мишкой (пардон, доктором физики Мишаилом Абовичем), мы немного поговорили. Его приятель деликатно постоял у книжного шкафа, что-то там перелистывая. Кажется, голоса его я не слышала.

Когда визитеры ушли, раскрыла белый томик. Прочла первую фразу – вроде романтическая гриновщина. Дальше читать не стала, но с собой в Израиль взяла. А однажды, прибираясь на книжной полке, обнаружила и... слава богу, в книжечке оказалась визитка автора, и я тут же отправила по e-mail покаянное письмо:

«Сударь! Сейчас только прочитала вашу книгу о Городе. И несколько дней не выпускаю беленький томик из рук, читая и перечитывая. Корю себя: ведь уже год назад могла бы написать вам это письмо.

Возьмите себе самые лестные оценочные эпитеты по поводу «Города», и чтобы непременно были там эти слова: тонкий, интеллигентный и стильный текст! У вас вот именно что стиль, а не стилизация под нечто одесское. Даже удивительно, как обошлись без специфического одесского сленга в таком тексте. Между прочим, в устах моего здешнего редактора, превосходного эссеиста, определение «текст» – в оценке беллетристики ли, газетной ли продукции – звучит одобрением.

Что-то мне все же мешает в вашем «Городе». Ага, вот это – «поэма». Вам не мешало определение гениальных «Мертвых душ» поэмой? А тургеневское «стихотворение в прозе», требуемое от школьников наизусть, не раздражало? По мне так «поэма» вообще не от вашего стиля. Впрочем, это ваше личное собачье дело, как говаривал один мой знакомый ребенок.

Я рассчитываю нынешним летом побывать в Одессе. Хотелось бы встретиться с вами и сделать интервью для одной русскоязычной газеты, с которой сотрудничаю. Но, может быть, начнем работать уже сейчас? Предлагаю письменный диалог. Я ведь о вас ничего не знаю. Кто вы «по жизни», Александр Викторович? Архитектор – если судить по пилястрам-меандрам и прочим терминам в описании городских строений? Или физик, как Миша Глауберман, который меня с вами познакомил? Что доктор наук, профессор – вычитала в вашей визитке. У меня есть и другие

к вам, Александр, вопросы. Но это потом, если откликнетесь. Нет, еще один задам все же сейчас: откуда вы родом? Если одессит, в каком поколении?»

Ответ был получен сразу:

«Эта книжка, что у вас, – где-то шестая часть большой книги. Сейчас вышел еще такой томик, с названием «Пятиречье». Издатели мои считают, что надо варьировать название. Поскольку это их деньги, я и мирюсь. И мирюсь с очень плохой корректурой – много ошибок, а я их не вижу – я читаю иначе. Так вот, их уже две книжки, и я с удовольствием переброшу вам вторую. Может быть, выйдет и третья, такого же объема. А больше этого делать не буду – хочу издать целиком и красиво. Книга сегодня полностью завершена. Да и то, что у вас, в ней переработано.

Относительно «поэмы» в прозе – это третья в русской литературе. После Гоголя и Тургенева был еще Веничка Ерофеев с «Москвой – Петушками». Нет, не чувствую проблемы с этим именем жанра – вот Тургенева не люблю в любых видах, не только его стихи в прозе, писанные от отчаяния, но и всего целиком. Кроме него в такой и еще большей мере не люблю только Бунина. Пусть будет «Поэма».

Б. К. Кстати, о Веничкиных «Петушках». У нас один актер с азиатской фамилией и славянской внешностью сделал превосходный моноспектакль по этому тексту! Гоголь же для меня интересен прежде всего своим богатым и неожиданным лексиконом. Его «Ревизора» смотрю всегда, когда только удастся, у всех режиссеров. По части лексикона вершина для меня также Набоков.

А. Д. Гоголь для меня – все. И еще один писатель, который дал мне кровь и силу, – это Лоренс Стерн. Когда-то Илья Ильф уехал из Города на север с сиротским чемоданчиком, и в нем была запасная рубашка, бутерброд и Стерн – «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Такие у меня «родители» в литературе.

Я рад буду переписке. Просто самой по себе, с вами. Это удовольствие для меня будет, вне зависимости от всяких интервью.

У меня сложное происхождение. По отцовской линии я – еврей, в предках из Испании, по материнской – антисемит. Я ощущаю иногда, как во мне идет внутренний погром.

Б. К. Еврейство нового знакомого меня удивило. Я-то думала: вот наконец интеллигентный русскоязычный украинец, физик (не лирик же?) так органично, не анти- и не филосемитски, а истинно по-одесски использует еврейские мотивы Города. Я как раз собиралась аккуратно выяснить, откуда у него эта органичность, обдумывала, как поделикатнее изложить такой вопрос. А он красивой иллюзии лишил! Впоследствии я узнала, что антисемит в его семье был один – дедушка, служивший пожарным в оперном театре. Узнала также, что мальчик Саша изначально, вплоть до окончания вуза (Одесского холодильного института, в просторечии «холодильника») носил отцовскую фамилию Шапиро и прошел через все, что отпущено было человеку с такой фамилией там и тогда. А после защиты диплома на семейном совете стали решать, что дальше. Что аспирантуры инженеру Шапиро, несмотря на лучший на курсе балл, не видать, было ясно. И сделали вывод: Саша принимает фамилию матери – Дорошенко.

Я несколько раз, отвлекаясь от анализа его текстов о Городе, возвращалась к личному вопросу: когда он в Одессе появился, как живет-поживает? Наконец А. Д. соблаговолил ответить.

А. Д. Относительно моей жизни, за плечами. Я родился в 1943 году. Одессит в третьем поколении, но война меня не пустила в Город целый год – отец после Севастополя был на костылях и в тот момент стал работать в военном училище, куда к нему приехала мама, и так получился я. В городе Энгельсе под Саратовом, куда Фамусов совершенно правильно грозился заслать дочку. В Город семья вернулась в 1944-м. Вырос я на Молдаванке, на Михайловской улице – это ниже Степовой.

Потом все было в чудном ддящемся сне – школа на Молдаванке и мой родной холодильный институт. Вообще, именно мама и сделала меня холодильщиком (криогенщиком) – мне было все едино (по сути, в генах, я гуманитарий). Институт я провел в читальном зале на Пастера, читал там классику, Мольера и кроме. А термодинамику не читал.

Так что мне пришлось осваивать все самому после института. Я стал хорошим профессионалом – одним из неплохих в стране. Теплообмен, аппаратура, энергетические, химико-технологические и холодильные системы. Защитил кандидатскую и доктор-

скую, однако при этом стал и был инженером – выпускал свое оборудование на десятке заводов страны. У меня защитилось человек 30 ребят, и половина из них работает успешно от Австралии до Калифорнии, включая Германию и Израиль.

Всю жизнь работаю только в институте своем. Помимо, организовал небольшую научно-производственную фирму «Новые Технологии», где директор. Кусок хлеба вполне серьезное для меня дело, и сегодня я его обеспечиваю себе именно профессией. Хорошо бы, как АС, продать рукопись. Ан нет! И увожу время на литературные дела, что рождает комплекс вины. Сегодня я – профессор кафедры термодинамики холодильного института. Читаю спецкурсы, работаю с аспирантами и докторантами. И веду научные работы – в основном по грантам зарубежным, когда удастся их получить.

У меня есть сын от первого брака, он живет в Калифорнии. Здесь я женат вторым браком, есть дочь и внучка, которая для меня – жизнь. И еще – пудель Деник, от имени Денис, имелся в виду партизан Давыдов. Собака коричневой масти, курчавой шерсти, 13 лет. Старый уже козел с отвратительным характером. Неплохо бы узнать и его мнение обо мне. А в детстве у меня были крупные псы, и один из них – овчарка по имени Рекс. Это главное обо мне.

Б. К. Да, собаки входили в «главное» для Александра, он всегда рассказывал о них в своих письмах ко мне. А писем было сотни, я не считала. К великому сожалению, в одну из аварий с компьютером (а я в этом деле «чайник», использую его как аналог пишущей машинки и почтовый ящик), переписка с А. Д. пропала.

Со временем и общение наше сошло на нет. Когда громко заговорила в нем еврейская составляющая, он, будучи уже известным писателем благодаря «Городу», взялся за нее самоуверенно, особо увлекшись штетлами, местечками, которых не осталось на свете. А я в местечке родилась. Мама, уже проживавшая в Одессе, поехала рожать к своей маме, чтобы приняла меня не безвестная городская акушерка, а повитуха, через руки которой прошло почти все население местечка. Об этом – ниже.

О чем были письма начинающего, а по сути, созревшего к своим шестидесяти годам писателя Александра Дорошенко? Сперва о нашем Городе (только с заглавной буквы), о котором так неожиданно

интересно никто до него не писал. Он посылал мне черновики отрывками, и я правила, в основном орфографию, а то и делала редакторские замечания. Я знаю, что редактор – это особая профессия, он нужен каждому писателю, даже самому талантливому, о чем большинство писателей не знают или не хотят знать.

Я считаю себя неплохим редактором. Однако мой новый знакомый, человек упрямый, трудно поддавался редакторскому влиянию.

Например. Я пишу: «По мне, так не надо бы вам так обставляться цитатами из. Из вас уже, Саша, из самого впору цитату-другую выдернуть (хотя бы насчет пустыни, из которой выбран весь песок), а вы повторяете гениальную, но многократно использованную уже другими цитату из Платонова: «Без меня народ не полный». Или про времена, каковые, по Кушнеру, «не выбирают». Вы бы еще процитировали, что «жизнь прожить надо так, чтобы...». Вот же, «я люблю вас, люди...» уже заявили. Боже, какая банальность, когда это сказано без петли на шее! У вас какой читатель, Саша? Не нужны вам цитатные подпорки, а вы их ставите».

Из ответного письма: «Цитирую только то, что люблю, что стало, по сути, моим. Совсем не стремлюсь себя украсить и красиво подать – мне это не надо. Это для меня органичное – как дышать. Скорее беседа с ними, которых цитирую, и для читателя я так даю эти цитаты, чтобы он проникся их красотой и смыслом. Пусть не меня, пусть этих ребят он, заинтересовавшись, прочтет и полюбит».

Я ответила резко: как это – «стало моим»?! Насчет «этих ребят» упрекнула Александра в лукавстве. Когда А. Д. размышляет над книжным развалом – мол, какие люди не востребованы, а я-то льщусь надеждой, что «не милорда глупого», а меня понесут в портфелях и сумочках, и – ну читать, донеся до дому! – тут я им люблюсь. А когда А. Д. заявляет (слава богу, не в тексте книги, а в письме ко мне), что смиренно ждет от своего читателя, что тот, зацепившись за подсказанную им цитату, станет читать «этих ребят», – не верю! Лукавите. «Что вы сыплете цитатами, как дикарь, поздно дорвавшийся до настоящего чтения, – и то хорошо, и это?! Ну прямо школьник, готовящий образцовое сочинение по литературе!» Он не обиделся. И каждую изданную в тот период его книгу я получала с оказией – тогда все еще были живы, между Городом и Израилем постоянно сновали какие-то свои люди.

Кстати, тогда, к середине 90-х, спрос на бумажные издания уже сократился, а тиражи резко упали. Соответственно резко выросла стоимость изданий, так что профессор Дорошенко оплачивать выпуск в свет своих произведений никак не мог. Однако чуткие одесские издатели сразу оценили настоящую литературу и взяли риск на себя. А спустя несколько лет книги новоявленного писателя стал заказывать один из банков Города для своих солидных клиентов, и подарочные экземпляры выходили на отличной бумаге, в твердой обложке, с иллюстрациями. Правда, книги эти выпускались небольшими тиражами. Правда, гонорар автору платили несколькими экземплярами его же книги.

Есть, между прочим, любопытный эпизод в одной из книг Александра Викторовича о Городе. Как-то в праздник сосед-рабочий, увлекающийся рыбалкой, постучался к нему, профессору, с подарком: толстолобиком, занявшим почти весь кухонный стол. Сказал вежливо: «Примите, пожалуйста. Я знаю, кто вы, и понимаю, что купить себе такое сейчас вы не можете».

Да, продолжу о евреях, второй из главных тем нового писателя. Он назвал грузинских евреев «горскими». Подказала, что горские евреи никакого отношения к грузинам не имеют – эта община вышла из Персии и поселилась в основном в Дагестане. Язык их – один из диалектов фарси. Серьезные восточные люди, они и в Израиле держатся общиной. И на всякий случай сообщила, что есть еще крымчаки, самые ортодоксальные из иудеев, их гитлеровцы истребляли особенно рьяно.

А. Д. разыскивал и фотографировал старые еврейские надгробья – «мацевы» – каменные плиты с надписями на древнееврейском, кто-то ему эти надписи переводил. Находил старинные синагоги на территории бывшей Бессарабии и Польши, мощные, словно крепости, даже с бойницами. Радовался, когда удалось найти фотографии местечковых евреев 20-30-х годов знаменитого Романа Вишняка, кое-что из таких находок пересылал мне. К одному из снимков: девочка в наброшенном на плечи «шоле» – тяжелом шерстяном плате с кистями, который имелся у каждой крестьянки и каждой местечковой еврейки, несла что-то куда-то в посудине с ручкой, была текстовка Дорошенко: мол, девочка в «пледе» (!?) возвращается из лавки с купленным по поручению

мамы молоком. Я спросила у автора, из какого такого колхоза поставляли в начале 20-го века молоко в местечковую лавку? Рассказала, что знала, о «мишлоах манот», еврейской традиции посылать угощение родственникам и соседям на праздник Пурим.

Мы успели познакомиться и вживе, раза два встречались, когда я ездила отсюда в Одессу, а затем и в Израиле, куда А. Д. приезжал к друзьям. На встрече с Сашиной женой в одесском кафе обнаружилось, что мы с ней знакомы: ездили в одной группе на Кубу. Тогда эта красивая женщина была вдовой погибшего кубинского специалиста, получившего образование в Одессе. Когда у меня там внезапно заболел зуб, она, свободно владеющая испанским языком, помчалась со мной в поликлинику, где мне оказали срочную помощь...

Нельзя не привести кое-что из писем Александра Дорошенко о литературе: «Я думаю, что Гоголь – самое интересное явление в мировой литературе, ей, видимо, известно мало. Он непереволим, поскольку это – «феномен языка». Мало кто понимает, что Гоголь никаких ни на кого обличений не писал. И что Чичиков – романтический герой. Он ведь дело потерял, влюбившись по-глупому и безоглядно. Люблю пьесы Гоголя. Есть фантастическая пьеса, мне близкая исключительно, – это «Женитьба», полностью лишенная сюжета. Пьеса без действия, без интриги, безо всего.

...Неделями назад я впервые прочел Агнона. Он Нобелевскую премию получил за «Срединное море», за то, что воссоздал еврейскую светскую литературу, какой она была бы, если бы была вообще. Я редко беру в руки новое и мне неизвестное. Он меня поразил. Он действительно это сделал – восстановил мир Средневековья и вообще местечковых евреев, какими они были. Ведь Мойхер-Сфорим и Шолом-Алейхем – это ряженые евреи, а Бабель и Зингер – это просто европейские писатели».

Б. К. К величайшему огорчению, ушел большой писатель. Ушел по здешним нашим меркам рано, не дожив до 80-ти. На одной из улиц своего Города рухнул, не отпустив поводка своей собаки.

